

**ОРГАНИЗАЦИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 – НАЧАЛЕ 1919 г.**

© 2014 П.А. Мистрюгов

Самарский государственный университет

Поступила в редакцию 28.03.2014

В статье рассматривается организация и полномочия чрезвычайных структур советской власти в период установления власти советов, первых революционных преобразований, а также после освобождения Самары от КОМУЧа и восстановления советских органов власти.

Ключевые слова: ревкомы, отряды Красной гвардии, ревтрибуналы, реквизиции, продовольственные боевые дружины, ЧК.

Российская государственность после 1917 г. формировалась в условиях революционных преобразований, отличавшихся острым социальным радикализмом и конфронтацией, включая военное противостояние между властью и представителями разных социальных групп. Немаловажную роль в становлении института власти и его взаимодействии с обществом имел фактор иностранной военной интервенции. На протяжении 1917-1922 гг. появлялись разные по типу и полномочиям структуры, носившие чрезвычайный характер. Они обладали определённым набором способов и методов деятельности, необходимым для обеспечения социально-политического существования власти советов и РКП(б). С их помощью реализовывался курс революционных преобразований общественной системы.

В советской историографии рассматривались преимущественно вопросы становления чрезвычайных структур советской власти. Наблюдения и выводы авторов носили фрагментарный характер. Они подчеркивали закономерный характер возникновения чрезвычайных структур; в деятельности выделялись классовые принципы, заключающиеся в защите интересов рабочего класса и беднейшего крестьянства, а общий вклад в укрепление советской государственности оценивался как прогрессивный¹. На современном этапе активно исследуются вопросы организации и деятельности чрезвычайных структур. Авторами привлекаются новые источники и по-новому разрабатываются такие вопросы, как: политика красного террора²; способы и методы подавления социальных движений и политических партий³; отдельные методы деятельности, например, политический контроль⁴ и др. Малоизученный и полемичный статус темы имеет большой, но нераскрытый потенциал ис-

точников, которые не введены в научный оборот. Так, В.Ю. Афиани справедливо охарактеризовал состояние изучения истории СССР в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., когда началось открытие ранее недоступных архивных материалов: «... континент, очертания которого начали вырисовываться сквозь пелену тумана»⁵, что сохранило актуальность до настоящего времени и распространяется на тему чрезвычайных органов советской власти в годы революции и гражданской войны.

Современное состояние изучения темы не является исчерпывающим и содержит множество малоизученных вопросов. Остаются недостаточно осмысленными вопросы формирования чрезвычайных органов советской власти на местах, в том числе в Самарской губернии. В него входят такие аспекты, как организация и полномочия чрезвычайных структур. В истории формирования чрезвычайных структур в Самарской губернии можно выделить два этапа: 1) ноябрь 1917 – май 1918 г., когда происходило установление советской власти и начались первые революционные преобразования, сопровождавшиеся появлением разных по типу и полномочиям чрезвычайных структур; 2) октябрь – декабрь 1918 г. – освобождение Самары от власти КОМУЧа и восстановление советских органов власти и управления и новый этап в создании чрезвычайных органов.

В октябре 1917 – марте 1918 г. в губернском и уездных центрах Самарской губернии организация и деятельность советских органов власти и управления сопровождались созданием разнообразных чрезвычайных структур. В это время были организованы разные по типу и полномочиям чрезвычайные органы: ревкомы, красногвардейские отряды, народные батальоны, народно-революционные дружины, реквизиционные комиссии, боевые дружины, система ревтрибуналов.

*Мистрюгов Павел Алексеевич, аспирант кафедры
Российской истории. E-mail.ru: Pavel892006@yandex.ru*

После провозглашения власти советов в Самаре и в уездных центрах были сформированы ревкомы⁶. Они обладали широкими, в том числе силовыми полномочиями. Уже 26 октября 1917 г. в Самаре был избран Ревком, который наделялся неограниченными полномочиями для обеспечения «революционного порядка»⁷. В конце 1917 – начале 1918 г. для укрепления власти Советов ревком сосредоточил в своих руках всю подготовительную и организационную работу по созыву V губернского крестьянского съезда⁸. Самарский ревком выполнял задачу отражения военной угрозы «дутовского мятежа». В его полномочия входила организация превентивного удара по казакам и формирование дополнительных сил для наступления на Оренбург⁹. Тогда же Ревком приступил к организации народных батальонов для защиты от «контрреволюционного выступления внутри и если придется, то и для защиты от внешнего врага»¹⁰. На уездном уровне, например, в Покровске в декабре 1917 г. образованный революционный комитет выполнял правоохранные полномочия, связанные с охраной города и его важнейших объектов¹¹. Опираясь на силу ревкомов и отрядов Красной гвардии, были разогнаны претендовавшие на власть думы и земства¹². Например, власти Бугуруслана в январе 1918 г. сообщали, что «земское и городское самоуправление было взято в руки советов», оружие отобрано, а «капиталисты обложены в два миллиона рублей. Деньги поступают»¹³. Ограничивалось влияние прессы, занимавшей антисоветские позиции. Так, в Бугуруслане газета, издаваемая партией Народной свободы, местным ревкомом была закрыта «за травлю и клевету на советы»¹⁴. Однако местным работникам не всегда удавалось осуществлять революционные атаки. Например, в Покровске из-за боязни ответных действий со стороны населения¹⁵. В числе первых мероприятий Самарского ревкома было принудительное обложение налогом буржуазии. О радикальных методах его планируемого проведения говорит резолюция, принятая Губернским съездом советов 6 декабря 1917 г. Согласно ей, Ревком должен принять все меры, вплоть до содержания под арестом до получения налога¹⁶. Ревкомы обладали неограниченными полномочиями в области регулирования продовольственного обеспечения города и уездов. Например, в Бузулуке созданный Ревком занимался снабжением населения хлебом¹⁷. В Бугуруслане для достижения той же цели Ревком принимал, как отмечалось, «самые решительные меры»: снарядил 4 группы дружин по 50 человек с комиссаром от совета¹⁸. Продовольственный вопрос, имея основополагающее значение, находился в ведении не только ревкомов. В мас-

штабе Самарской губернии было создано и работало Бюро эмиссаров, обладавшее чрезвычайными полномочиями. Так, в распоряжении Бюро эмиссаров находились Реквизиционные комиссии, продовольственные Боевые дружины (созданные по решению IV съезда эмиссаров и делегатов фронта Самарской губернии, проходившего 25 февраля 1918 г.). Они были наделены по Положению о боевых дружинах от 2 марта 1918 г. полномочиями по борьбе с мешочниками, спекуляцией, тайным винокурением, контрабандным гужевым вывозом хлеба¹⁹. Они комплектовались из эвакуированных и инвалидов, из безработных и членов профсоюзов. Всего в продовольственные дружины было принято около 900 человек (125 человек на каждый уезд). Кроме этого, в Самаре был конный резервный отряд в 125 всадников²⁰. Методами достижения поставленных задач стали перепись, учёт, а также реквизиция и конфискация предметов первой необходимости и массового потребления²¹. Уже в январе 1918 г. в ответ на отказ крестьян Ставропольского уезда сдать хлеб эмиссар В.Г. Григорьев предложил «ввести товарообмен, кроме того строгую реквизиционную комиссию, которая могла бы проверить и учесть правильно хлеб и излишки тут же отобрать»²². Подобные способы деятельности стали прочно закрепляться в деятельности власти, в свою очередь вызывали волнения среди крестьянства.

К концу 1917 г. завершилась организация отрядов вооружённой Красной гвардии в крупных уездах Самарской губернии, численность и боеготовность которых была различной. В Бузулукском и Мелекесском уездах в её рядах насчитывалось 300 человек, в Мелекесе они были без оружия, в Сергиевске было 60 бойцов. В Николаевском уезде 300 красногвардейцев только приступили к военному обучению²³. В Новоузенском уезде организация Красной гвардии задерживалась из-за отсутствия Ревкома, Революционного суда и крестьянского Совета²⁴. В начале ноября 1917 г. начальником Красной гвардии был избран большевик А.В. Гавриленко, а общая численность отрядов достигла 800 человек²⁵. Отряды Красной гвардии стали военными органами, использовавшимися для подавления социально-политических протестов. В октябре-ноябре 1917 г. с помощью отрядов Красной гвардии были подавлены оппозиционные настроения, в частности саботаж служащих²⁶. Красногвардейцы участвовали в ликвидации протестов земств. 11 января 1918 г. в Самаре проходило Самарское уездное земское собрание. Гласные отказались от участия в работе созываемого Губисполкомом крестьянского съезда. Представители от Губисполкома и V

Губернского крестьянского съезда объявили об упразднении земства, в зал были введены вооруженные красногвардейцы²⁷. Протестные настроения против советов ликвидировались вооруженным способом. Например, 16 января 1918 г. на заседании Самарского губисполкома рассматривался вопрос о существовании советской власти в г. Ставрополе. Для её «укрепления» было постановлено направить в город вооружённый отряд²⁸. Ещё одной прерогативой красногвардейских отрядов становилось изъятие «хлебных излишков». Так, в феврале 1918 г. военным отделам уездных исполкомов поручалось формировать эти отряды для изъятия хлеба в уездах²⁹. В ноябре 1917 г. началось создание рабочих дружин для пресечения спекуляции «всеми продуктами первой необходимости». Тогда же её вооружённые отряды были направлены в Екатериновскую, Спасскую, Безенчукскую, Старо-Буянскую и ряд других волостей³⁰. В связи с обострением продовольственного вопроса в начале 1918 г. расширялись чрезвычайные полномочия советских структур, с помощью которых планировалось изымать хлебные запасы у крестьян. Так, Самарский уездный исполком для этой цели организовал воинские команды из бедноты в составе одной роты численностью 270 человек, пулеметную команду (50 человек), один полуэскадрон конницы (100 человек) и один взвод артиллерии (90 человек)³¹. Среди разных военизированных формирований отдельно стояла боевая коммунистическая дружина. В конце января 1918 г. был утвержден её устав. Она подчинялась непосредственно Самарскому губкому коммунистов и могла комплектоваться только из них. 3 марта 1918 г. Самарский губком РСДРП(б) принял решение об организации губернской партийной дружины³². Впоследствии большое влияние и полномочия РКП(б) отразились в появлении партийного суда и следственной комиссии для расследования дел советских и партийных сотрудников. К образованным военизированным структурам советской власти в уездах относились народно-революционные дружины. Так, например, в резолюции заседания Бугурусланского уездного исполкома совета крестьянских депутатов от 29 января 1918 г. были определены механизмы организации народно-революционных дружин. Так, дружина организовывалась уездным советом крестьянских депутатов как самостоятельное формирование, так и по рекомендации волостных Советов, утвержденных общими приговорами; дружины ставили целью укрепление и защиту власти советов; защиту жизни и безопасности граждан без различия нации; борьбу с пьянством, спекуляцией, азартной игрой и т.п.; все дружины нахо-

дились в исключительном ведении и распоряжении уездного исполнительного комитета и распределялись по 6 или 8 участкам с начальниками участков во главе; численность дружины участка составляла 50 человек, из них 30 конных и 20 пеших³³.

Параллельно развитию этих чрезвычайных органов формировались судебные структуры. Ещё до принятия декрета о суде №1 (22 ноября 1917 г.) на губернском уровне был создан «революционный суд». 18 ноября 1917 г. на совместном заседании представителей от рабочих, гарнизонного, крестьянских и полковых советов, а также ФЗК и правлений профсоюзов после доклада В.В. Куйбышева было постановлено образовать революционный суд. Революционный суд должен был стать «орудием борьбы против спекулянтов, воров, грабителей и лиц, не исполняющих постановлений ревкома»³⁴. Сохранились незначительные свидетельства о его функционировании³⁵. В революционных условиях образование судебных структур имело свою специфику. Их формирование проходило под контролем Самарского губернского совета, где 6 декабря 1917 г. на заседании обсуждались итоги и перспективы советского строительства в уездах. Однако во многом контроль приобретал формальное значение. Губернская власть не была способна регламентировать все властные инициативы уездов и обеспечивать единообразие судебных структур, часто реагировала только после их появления. Уездные власти Самары, повсеместно, руководствуясь собственным пониманием законов и своими социально-правовыми соображениями об общественном порядке, формировали судебные органы. Как свидетельствуют отчёты уездных центров перед губернскими властями, в Сергиевске «суд назначен третейский», в Мелекесе «революционный суд»³⁶, в Бугуруслане функционировал «революционный суд»³⁷, в Покровске суда вообще не существовало³⁸. Таким образом, судебное строительство первых месяцев не отличалось единообразием, инициативы местных советских работников носили преобладающий характер.

Советская власть, встречая сопротивление реализации своих преобразований, была настроена предельно радикально в вопросе удержания власти. Так, 5 января 1918 г. на заседании Самарского губисполкома слушался вопрос о военном положении в Самаре в связи со всеобщей забастовкой. Было постановлено военного положения не устанавливать и написать воззвание о подавлении забастовки всеми мерами³⁹. Несколько позднее, на V губернском крестьянском съезде (12-17 января 1918 г.), было провозглашено, что «Все действия, направленные против

новой, Советской власти, должны объявляться контрреволюционными и караться по законам революционного времени»⁴⁰. Этот способ деятельности стал универсальным и использовался на протяжении всей гражданской войны.

1 января 1918 г. на заседании Самарского губернского исполнительного комитета советов было постановлено учредить Комиссию по борьбе с контрреволюцией. Её комиссаром назначался А.Н. Клейман. Она должна была быть сформирована по одному человеку от рабочей и солдатской секции советов. К этому времени также была организована Комиссия по борьбе с казачеством⁴¹. Как отмечает И.Е. Карпов, против образования Комиссии по борьбе с контрреволюцией выступал Самарский губисполком⁴².

Таким образом, до учреждения официальной системы народных судов и революционных трибуналов в Самарской губернии функционировали разнообразные структуры – ревкомы, красногвардейские отряды, реквизиционные комиссии, самостоятельные «революционные суды» и др. Они были наделены широкими, в том числе силовыми полномочиями. Советы при их участии провели установление советской власти, обеспечивали охрану городов, изымали продовольственные запасы. Появление данных структур отражало усиление противоречий между властью и обществом, тяготение к чрезвычайным формам и методам решения общественных проблем.

Декрет о суде №1 был принят 22 ноября 1917 г. В Самаре большевистские лидеры только в январе 1918 г., перед V губернским крестьянским съездом, приступили к реализации его установлений. 3 января 1918 г. на III заседании исполкома советов комиссар юстиции Лотов поставил вопрос об организации трибунала⁴³. В этих условиях 6 января на заседании Самарского горисполкома городского совета, где преобладающее большинство принадлежало большевикам, совместно с президиумами полковых и фабрично-заводских комитетов было решено приступить к формированию комиссариата юстиции и революционного трибунала. В состав трибунала были избраны трое большевиков, двое максималистов, политическая принадлежность двоих сотрудников указана не была⁴⁴. Запозывание организации трибунала обуславливалось, во-первых, политической борьбой большевиков с социалистами-революционерами, во-вторых, тем, что на данном этапе они ещё не вплотную приступили к реализации своей социально-конфронтационной политики. Отметим, что в этот период в Самарской губернии наряду с административными структурами, исполнявшими судебные функции, и стихийно созданными «революционными судами» продолжал фун-

кционировать аппарат Самарского окружного суда, переименованный в Народный окружной суд, и уездная следственная комиссия⁴⁵. Губернские власти, согласно декрету о суде №2 от 15 февраля 1918 г., согласно которому должны быть созданы окружные суды, продолжили его работу. Вероятной причиной сохранения Самарского окружного суда стало отсутствие альтернативной судебной структуры, обладавшей налаженным аппаратом и кадровым потенциалом. Однако советская власть привлекла Народный окружной суд к судебной деятельности под контролем Губернского революционного трибунала, тем самым используя его потенциал преимущественно для расследования уголовных преступлений. Так, в апреле 1918 г. председателем Самарского ревтрибунала и уголовного отделения Народного окружного суда был назначен Ф. Венцек⁴⁶.

После создания революционного трибунала в г. Самаре власти приступили к организации сети революционных трибуналов в уездах. Примат местных условий оказывал решающее влияние на различия их организационной структуры, время появления. Этому способствовало то, что до мая 1918 г. образование трибуналов в уездах было не запрещено, чем активно пользовались уездные советы Самарской губернии. За незначительный срок с января до июня 1918 г., а в некоторых районах Самарской губернии – до сентября 1918 г., в крупных уездах были созданы и функционировали советские ревтрибуналы, а также в волостях и при крупных ж/д станциях (Пугачев, Мелекес, Верхнеуральск, Мало-Малышевская волость, ст.Иващенко) и следственные комиссии при них. Так, в начале 1918 г. в Мелекесском уезде начал работу трибунал, состоявший из суда и следственной комиссии. В мае 1918 г. Ревтрибунал был создан в г.Пугачёве, который просуществовал вплоть до августа 1918 г., в период, когда Самара была занята КОМУЧем. В судебное ведение Ревтрибунала входил весь Пугачёвский уезд; следственный аппарат представлял собой две следственные комиссии – одна занималась политическими делами, другая – уголовными⁴⁷. В июне 1918 г. в Верхнеуральске для фактической расправы со сторонниками атамана Дутова, оставшимися в городе, на собрании членов Верхнеуральского городского совета был образован трибунал⁴⁸.

В первой половине 1918 г. судебные структуры в уездах и волостях были образованы недавно созданными по решению губернского центра ревтрибуналами, Народным окружным судом, волостными судами, а также возникшими после октября 1917 г. революционными судами.

В мае 1918 г. анархо-максималистский мятеж был подавлен вооруженным путём, с помощью

верных большевикам частей Урало-Оренбургского фронта. Под его воздействием 23 мая 1918 г. по решению центра в Самаре должна была быть организована ЧК для проведения оперативно-следственных процедур над участниками этого выступления. Однако наступление чехословаков на Самару, закончившееся свержением советской власти и установлением власти КОМУЧа с июня до октября 1918 г., нарушило исполнение данного решения, но не прервало. В неблагоприятных условиях советско-партийное руководство, реализуя задачи военного разведывания на захваченной территории Самарской губернии, приступило к организации резидентур военной контрразведки 4-й армии Восточного фронта⁴⁹. В их задачи входили сбор оперативной информации об общественных настроениях, продвижении чехословаков, организация рабочего подполья⁵⁰ и т.д. После захвата Самары один из резидентов, Кожевников (впоследствии участник операции «Трест», 30-е гг. XX в.), отбыл в Симбирск, где получил разведывательное задание и снова был отправлен в Самару⁵¹. Необходимо отметить, что КОМУЧ обладал сетью резидентов⁵², и решение о создании аналогичных советских структур было закономерной мерой. Военно-политическая задача, поставленная перед советскими руководителями по уничтожению власти КОМУЧа, активизировала дальнейшие мероприятия по организации аппарата ЧК. При подготовке частей Красной армии к наступлению на Самару 27 августа 1918 г. Самарский губком РКП(б) принял решение о создании ГубЧК. На протяжении нескольких месяцев, с августа до 1 декабря 1918 г., в Самарской губернии продолжала действовать ЧК 4-й армии Восточного фронта, к концу 1918 г. преобразованная в губернскую ЧК.

В октябре 1918 г. после освобождения Самары от КОМУЧа началось восстановление советских органов власти и управления. В чрезвычайном строительстве, которое резко интенсифицировалось, доминировала политическая мотивация, связанная с подавлением комучевцев и их приверженцев. Действительное и потенциальное сопротивление рассматривалось советской властью однозначно как «контрреволюционное» и подлежало на первоначальном этапе безоговорочному уничтожению. К ноябрю 1918 г. были восстановлены Совет местных народных судей, нотариат, судебные исполнители⁵³. Однако в течение сентября 1918 - января 1919 г. основная оперативная и внесудебная работа была сконцентрирована во фронтовой ЧК штаба 4-й армии Восточного фронта, а с декабря 1918 г. – в ГубЧК. Организационно фронтовая ЧК состояла из «головного» аппарата в г.

Самаре и из отделений в нескольких крупных уездах Самарской губернии. Так, до ноября 1918 г. в крупном уездном центре, в г. Пугачёве, действовало отделение ЧК при Политическом штабе 4-й армии Восточного фронта. В ноябре эта ЧК была преобразована в уездную ЧК согласно распоряжению СамГубЧК от 23 ноября 1918 г.⁵⁴. Её председателем стал Т.И. Бочкарёв (большевик с марта 1917 г.), зам. председателя – Я.П. Карпов (большевик с декабря 1917 г.)⁵⁵. В октябре 1918 г. по решению ревкома г. Иващенково было постановлено образовать ЧК⁵⁶. 23 декабря 1918 г., согласно штатному расписанию, принятому на II Всероссийской конференции ВЧК, формирование органов ВЧК в Самарской губернии было завершено. Структуры ГубЧК были сформированы в уездах Самарской губернии: Самарском, Бугурусланском, Мелекесском, Пугачёвском, Бугульминском, Новоузенском⁵⁷. Конституирующим событием организационного становления стала первая конференция уездных ЧК, созванная в декабре 1918 г. в Самаре. На ней обсуждались вопросы регламентации организации и деятельности уездных ЧК. На съезде представители получили право открывать отделения ЧК в волостях с разрешения губернского центра, а также разбить уезды на несколько районов во главе с комиссарами⁵⁸. После реформирования фронтовой ЧК в губернскую организация ЧК в уездах проводилась непосредственно под контролем и при участии губернского центра. В декабре 1918 г. в Пугачёв, Бузулук, Мелекес были направлены временные работники для формирования ЧК. Иногородний отдел ГубЧК снабжал их инструкциями. Однако процесс становления УездЧК осложнялся из-за отсутствия опытных инструкторов. Так, в середине декабря 1918 г. прикомандированные работники ВЧК отбыли в Москву⁵⁹. В ходе взаимодействия между центром и уездами работники УездЧК получали инструкции, сведения о «приёмах борьбы со всеми видами контрреволюции»⁶⁰. Таким образом, структура органов ВЧК в Самарской губернии была представлена на губернском, уездном и волостном уровнях. В конце 1918 - начале 1919 г., в самом начальном периоде становления УездЧК, им были предоставлены широкие полномочия, дававшие сотрудникам право на осуществление практически полного цикла расследования преступлений. В инструкции оговаривалось, что ЧК могли вести расследование в условиях объявления чрезвычайного положения. Так, в полномочия входили: дознание; следствие; розыск; наблюдение; регистрация. К ним добавлялся ряд контрольных функций: проверка документов на въезд и выезд из губернии; контроль за реализацией декретов со-

ветской власти; участие в сохранении общественного спокойствия при отсутствии чинов милиции и содействие последней в восстановлении нарушенного «революционного Порядка». Необходимо отметить, что такой оперативный приём, как наблюдение, распространялся как на представителей отдельных социальных групп (местная буржуазия, лица, проезжавшие через границу и укрывавшиеся от властей), так и на иностранных разведчиков. Таким образом, УездЧК наряду с полномочиями по подавлению внутренней оппозиции обладала контрразведывательными полномочиями. Состав преступлений, входивших в ведение УездЧК, был преимущественно политическим и характеризовался неопределёнными широкими понятиями о подсудности. Так, это «беспощадная борьба с контрреволюцией, преступлениями по должности и спекуляцией алчными силами»⁶¹. Это обстоятельство открывало для сотрудников большое поле для самовольных действий. Последовавшая деятельность УездЧК показала, что они активно пользовались предоставленными им правами и полномочиями, нередко их превышали.

Следующим мотивом чрезвычайного строительства был резко конфронтационный характер советской власти в области регулирования социально-экономических вопросов, в частности продовольственной проблемы. Это привело к тому, что после освобождения Самары советские власти приступили к созданию чрезвычайных структур, которые были образованы советским центральным руководством в июне-сентябре 1918 г. и показали свою неэффективность⁶². Так, выборы и организация комитетов бедноты были завершены к ноябрю 1918 г. 30 ноября 1918 г. на заседании Самарского совета рабочих и красноармейских депутатов под председательством Куйбышева основным направлением их деятельности была обозначена развёрстка. На Самарскую губернию выпало 400 миллионов, на г. Самару со включением расходов по аннулированным дензнакам – 35850000 руб. Определялось, что налог подлежит взысканию с буржуазии и спекулянтов; лица, получавшие жалование не более 1500 руб., от взимания налога освобождаются⁶³.

В декабре 1918 г. большими полномочиями были наделены военные и районные коменданты. 19 декабря 1918 г. на заседании Самарского горисполкома под председательством Куйбышева была утверждена инструкция и положение о военных и районных комендантах. В ней определялось, что в боевой обстановке коменданты имели право расстрела подчиненных им лиц за сдачу без приказа порученных пунктов; коменданты ведут учёт населения, подразделяя его на трудовое (пролетариат) и нетрудовое (буржу-

азное); занимаются учётом прибывающих и выбывающих из своего района через соответствующие организации; производят переселение буржуазии на окраины города и совместно с комитетами бедноты и жилищным отделом переселяют рабочих на места жительства буржуазии⁶⁴. В инструкции указывалось, что районные и военные коменданты подвергаются ответственности по всей строгости военного времени как за неисполнение настоящей инструкции, так и за превышение полномочий⁶⁵.

Предоставление безграничных прав ЧК в области преследования комучевцев и их сторонников⁶⁶ задерживало реорганизацию Самарского губернского ревтрибунала. В связи с этим она началась только в январе 1919 г. Как писал комиссар Лотов, «... учреждение Трибунала им откладывалось сознательно, дабы не стеснять деятельности ЧК, нуждающейся в известной свободе действий в борьбе с контрреволюцией ввиду прифронтового положения». А своевременность создания мотивировалась «...массовыми перебежками из белого лагеря рабочих и крестьян, сознавших свою вину и ошибки...»⁶⁷. Как показала дальнейшая следственно-судебная практика, учреждение революционного трибунала действительно было своевременной мерой. В феврале 1919 г. Самарская ГубЧК и особый отдел, исполкомы и частные лица предоставили революционному трибуналу множество дел. Дела, по которым следствие было закончено, сразу же назначались к слушанию, а требовавшие расследования попадали в следственную комиссию при ревтрибунале⁶⁸. Внесудебные полномочия, которыми была наделена фронтовая, а затем ГубЧК, воспринимались местными работниками юстиции и ревтрибунала как экстраординарная мера. Она требовала ограничения вплоть до немедленной отмены. После восстановления революционного трибунала 23 января 1919 г. на общегубернском съезде его представители перешли в наступление на безграничные права ГубЧК. На съезде было постановлено немедленно слить следственный отдел ЧК со следственными комиссиями ревтрибунала, предоставив право вынесения приговора только ревтрибуналу⁶⁹. Как отмечалось, это было связано с установкой уничтожения «безграничного административного усмотрения ЧК и преступной безнаказанности вынесения смертных приговоров, обусловленных недопустимым смешением предварительного следствия с решением и приговором по существу»⁷⁰. При этом местные работники чрезвычайной юстиции оценивали революционные трибуналы как временные судебные учреждения, ведущие исключительно «политическую борьбу с врагами социалисти-

ческого строя». Отмечалось, что с «упрочением строя отпадет и необходимость в них только наполовину являющихся судами»⁷¹.

Рассматривая результаты судебного строительства первых месяцев, комиссар юстиции Лотов 23 января 1919 г. на общегубернском съезде, посвященном текущим проблемам судостроительства, отметил, что достоинством советского судопроизводства является «скорость и гласность суда». Образцом для их достижения была организация Московского трибунала⁷². В январе - марте 1919 г. происходил поиск и апробация основных элементов организации Самарского губернского революционного трибунала и его следственной комиссии: структуры и штата, подсудности, процедур защиты и обвинения. В январе 1919 г. впервые был утверждён состав трибунала в лице председателя и шести следователей⁷³. В феврале 1919 г. состав трибунала значительно расширился. Так, избраны трое председателей, которые, как предполагалось, должны вести работу по очереди, и четыре члена трибунала⁷⁴. Тогда же была принята Временная инструкция Самарского губревтрибунала, согласно которой трибунал должен состоять из председателя, 4 членов и 2 кандидатов-заместителей, избираемых Советом и РКП на 1 месяц и утверждаемых Губисполкомом⁷⁵. По истечении нескольких недель организация и результаты судебной практики троих избранных председателей оказались, как отмечалось, неэффективными. Вместо исполнения возложенных обязанностей они занимались личными делами. Итогом стало полное «затишье» в судебной работе: не было проведено ни одного ни распорядительного, ни судебного заседаний.

Рассмотрев деятельность новых судей, Горисполком решил отстранить их от председательствования и избрал в состав трибунала постоянного председателя⁷⁶ и двоих членов трибунала. Также было решено ввести в действие постановление ВЦИК от 17 февраля 1919 г. До февраля 1919 г. Революционный трибунал не имел статуса губернского, поскольку восстанавливался под руководством Горисполкома. В феврале 1919 г. было решено объявить трибунал губернским⁷⁷. В феврале 1919 г. наряду с определением состава, согласно Временной инструкции, устанавливалась подсудность Ревтрибунала. Так, его ведению подлежали дела о контрреволюционных деяниях и выступлениях, саботаже, дискредитировании Советской власти, подлогах, преступлениях по должности, шпионаже, хулиганстве, спекуляции. Следующей регламентированной процедурой в инструкции было вынесение приговора. Провозглашалось, что трибунал не был связан какой-либо мерой наказания, не

стеснен никакими формальными доказательствами и от него зависит «по обстоятельствам дела допустить те или иные доказательства, или потребовать их от третьих лиц»⁷⁸. Наконец, в марте 1919 г. под руководством Самарского губюста был установлен порядок защиты подсудимых, согласно постановлению ВЦИК о правах ВЧК и ревтрибуналов от 17 февраля 1919 г. В феврале 1919 г. были установлены сроки предварительного следствия трибунала. Согласно им, дела должны проходить стадию следствия в течение одного месяца. Контроль за его исполнением возлагался на трибунал⁷⁹. Принятая Временная инструкция трибунала (точной даты принятия не указано) учреждала при трибунале следственную комиссию в составе 6 лиц, избираемую Советом и утверждаемую Губисполкомом⁸⁰. Однако, как показывает практика, следственная комиссия начала свою деятельность уже с 15 января по решению Горисполкома. В её состав входило 4 члена, один из которых был её председателем⁸¹. Фактически также, как и с Ревтрибуналом, созданным Горисполкомом в январе 1919 г., постфактум произошло придание следственной комиссии статуса губернской и расширено количество её членов до 6.

Таким образом, установление и деятельность советской власти сопровождалась формированием целого спектра структур, наделённых чрезвычайными полномочиями. Во взаимодействии власти и общества усиливались такие методы, как вооруженное подавление, реквизиции, чрезвычайный суд, применение высшей меры наказания. Формировались следственно-оперативные методы деятельности. При этом преобладающими полномочиями были военно-карательные, реквизиционные, репрессивные над следственно-судебными. Организация чрезвычайных структур отличалась отсутствием единообразия и имела элементы местного правотворчества. Постепенно они прочно входили в арсенал способов деятельности советско-партийной (большевистской) власти и использовались на протяжении всей гражданской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Титов Ю.П.* Правовые формы организации и деятельности ревтрибуналов РСФСР // Вопросы права и законности в первые годы советской власти. М.: РИО ВЮЗИ, 1984; *Он же.* Развитие системы советских революционных трибуналов. М.: ВЮЗИ, 1987; *Портнов В.П., Славин М.М.* Становление правосудия в Советской России (1917-1922 гг.) М.: Наука, 1990; *Портнов В.П.* ВЧК 1917-1922. М.: Юридическая литература, 1987 и др.

² *Мозохин О.Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). М.-Жуковский: Кучково поле, 2006; *Он же.* Статистика репрессивной деятельности органов ВЧК-ОГПУ (1921-1934 гг.) // Военно-исторический архив. 2004. №9

- (57); *Кодин Е.В.* Репрессированная российская провинция (Смоленщина, 1917-1953 гг.) // Вестник российского гуманитарного научного фонда. 2008. №3 (52) и др.
- ³ *Павлов Д.Б.* Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917- середина 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 1999 и др.
- ⁴ *Измозик В.С.* Политический контроль в Советской России. 1918-1928 // Вопросы истории. 1997. №7 и др.
- ⁵ *Афиани В.Ю.* Протоколы Бюро президиума и президиума ЦК КПСС 1950-1960-х годов. Проблемы источниковедения и археографии советского периода // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Сборник научных трудов. / Отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск, «Сибирский хронограф», 2000. С.275.
- ⁶ Центральный Государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р-81. Оп.1. Д.1. Л.3об, 15об.
- ⁷ *Карнов И.Е.* Организационно-правовые основы становления и деятельности органов милиции Самарской губернии, 1917-1925 гг. Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С.64-65.
- ⁸ *Кабытова Н.Н., Кабытов П.С.* Борьба за власть в Самарской губернии (конец 1917 – первая половина 1918 гг.) // Вестник СамГУ. 1996. №1. С.91.
- ⁹ *Кабытова Н.Н., Кабытов П.С.* Борьба за власть в Самарской губернии (конец 1917 – первая половина 1918 гг.) // Вестник СамГУ. 1996. №1. С.93.
- ¹⁰ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.1. Л.5.
- ¹¹ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.1. Л.3об.
- ¹² Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времён до наших дней. В трёх книгах. Кн. III. Самарский край в XX веке (1918-1996 гг.). Изд-во «Самарский университет», 1998. С.10.
- ¹³ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.128. Л.12.
- ¹⁴ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.1. Л.3об.
- ¹⁵ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.1. Л.4.
- ¹⁶ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.1. Л.17.
- ¹⁷ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.1. Л.3об.
- ¹⁸ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.1. Л.3об.
- ¹⁹ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.123. Л.17об, 18, 21.
- ²⁰ *Карнов И.Е.* Указ. соч. С.89.
- ²¹ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.123. Л.17об, 18, 21.
- ²² ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.123. Л.26об.
- ²³ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.1. Л.15об, 3.
- ²⁴ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.1. Л.3.
- ²⁵ *Карнов И.Е.* Указ. соч. С.70.
- ²⁶ Там же. С.69.
- ²⁷ *Попов Ф.Г.* 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1972. С.18.
- ²⁸ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.4. Л.27об.
- ²⁹ *Карнов И.Е.* Указ. соч. С.73.
- ³⁰ Там же. С.71-72.
- ³¹ Там же. С.72.
- ³² Там же. С.88.
- ³³ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.127. Л.12об.
- ³⁴ *Карнов И.Е.* Указ. соч. С.77.
- ³⁵ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.4. Л.1об.
- ³⁶ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.1. Л.4.
- ³⁷ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.1. Л.3об.
- ³⁸ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.1. Л.4.
- ³⁹ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.4. Л.9об.
- ⁴⁰ *Попов Ф.Г.* Указ. соч. С.20.
- ⁴¹ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.4. Л.1об.
- ⁴² *Карнов И.Е.* Указ. соч. С.80.
- ⁴³ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.4. Л.6.
- ⁴⁴ *Попов Ф.Г.* Указ. соч. С.15.
- ⁴⁵ ЦГАСО. Ф. Р-1868. Оп.3. Д.1. Л.28.
- ⁴⁶ ЦГАСО. Ф. Р-1868. Оп.3. Д.1. Л.28.
- ⁴⁷ ЦГАСО. Ф. Р-1868. Оп.2. Д.324. Л.55об.
- ⁴⁸ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.128. Л.120.
- ⁴⁹ *Громов А.В., Хорошавин В.А., Хумарьян С.Г.* Самарский щит: очерки, посвященные 90-летию Управления ФСБ по Самарской области. Самара: Русское эхо, 2008. С.48.
- ⁵⁰ ЦГАСО. Ф. Р-1000. Оп.3. Д.59. Л.48, 39-42.
- ⁵¹ ЦГАСО. Ф. Р-1000. Оп.3. Д.59. Л.43-50.
- ⁵² ЦГАСО. Ф. Р-3931. Оп.1. Д.2. Л.31-31об.
- ⁵³ Из протокола № 4 заседания Самарского горисполкома. 25 ноября 1918 г. // Самарское Поволжье в XX веке. Сборник документов и материалов / Под ред. П.С. Кабытова и др. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2000. С.161-162.
- ⁵⁴ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.2. Д.1. Л.74.
- ⁵⁵ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.2. Д.1. Л.74об.
- ⁵⁶ ЦГАСО. Ф. Р-55. Оп.1. Д.1. Л.104.
- ⁵⁷ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.159. Л.1-3.
- ⁵⁸ Самарский Областной Государственный архив социально-политической истории. Ф.1. Оп.1. Д.18. Л.22-23.
- ⁵⁹ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.2. Д.1. Л.94об.
- ⁶⁰ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.2. Д.1. Л.94.
- ⁶¹ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.2. Д.1. Л.75.
- ⁶² Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времён до наших дней. В трёх книгах. Кн. III. Самарский край в XX веке (1918-1996 гг.). Изд-во «Самарский университет», 1998. С.39-40.
- ⁶³ ЦГАСО. Ф. Р-56. Оп.1. Д.1. Л.2об.-3.
- ⁶⁴ ЦГАСО. Ф. Р-56. Оп.1. Д.3. Л.44об.
- ⁶⁵ ЦГАСО. Ф. Р-56. Оп.1. Д.3. Л.45об.
- ⁶⁶ *Мистрюгов П.А.* Репрессии органов ВЧК в Самарской губернии в 1918 г. // Вестник Самарского государственного университета. 2013. №8/2 (109). С.155-158.
- ⁶⁷ ЦГАСО. Ф. Р-1868. Оп.2. Д.3. Л.14.
- ⁶⁸ ЦГАСО. Ф. Р-1868. Оп.2. Д.102. Л.11.
- ⁶⁹ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.234. Ч.1. Л.20.
- ⁷⁰ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.232. Ч.2. Л.232об.
- ⁷¹ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.232. Ч.2. Л.222об.-223.
- ⁷² ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.234. Ч.1. Л.20.
- ⁷³ ЦГАСО. Ф. Р-1868. Оп.2. Д.3. Л.14.
- ⁷⁴ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.232. Ч.2. Л.242-242 об.
- ⁷⁵ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.2. Д.1. Л.86-86об.
- ⁷⁶ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.232. Ч.2. Л.242-242об.
- ⁷⁷ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.7. Л.25об.
- ⁷⁸ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.2. Д.1. Л.86-86об.
- ⁷⁹ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.7. Л.25об.
- ⁸⁰ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.2. Д.1. Л.86-86 об.
- ⁸¹ ЦГАСО. Ф. Р-81. Оп.1. Д.232. Ч.2. Л.242об.

THE FORMATION AND STRUCTURE OF EXTRAORDINARY SOVIET AUTHORITIES IN SAMARA REGION IN 1917 – EARLY 1919 YEAR

© 2014 P.A. Mistryugov
Samara State University

The work deals with the organization and prerogatives of extraordinary structures of Soviet authority in Samara region during the period of establishment of Soviet power, first revolutionary restructuring, and the restoration of the Soviet authorities after liberation of Samara from Komuch.

Keywords: revolutionary committee, the Red guards, revolutionary tribunal, requisition, food fighting squads, ChK.

Pavel Mistryugov, Post-Graduate Student, Department of Russian History. E-mail.ru: Pavel892006@yandex.ru